

Из истории естествознания
From the History of Science

DOI: 10.31857/S020596060005925-9

**ГЕОГРАФИЯ РЕЛИГИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ***

ГОРОХОВ Станислав Анатольевич — *Институт географии РАН; Россия, 119017, Москва, Старомонетный пер., д. 29; E-mail: stgorohov@yandex.ru*

© С. А. Горохов

В статье «Восток и восточные культуры», вышедшей в 1931 г., один из крупнейших географов своего времени Альфред Геттнер отмечал, что «география религии — наиболее сложное и наиболее “деликатное” из географических изысканий». Действительно, вряд ли среди различных направлений географической науки можно найти еще одно, столь же глубоко вторгающееся в сугубо индивидуальную сферу человеческого бытия. Это требует от географии религии не только весьма трепетного отношения к методам сбора столь ценной и получаемой зачастую весьма непросто информации, но и еще большего внимания к интерпретации полученных сведений. В данной работе показано, что, начиная со времени своего возникновения, география религии в своем развитии прошла несколько этапов — досекулярный, квазисекулярный, секулярный и постсекулярный. Для каждого из них было характерно преобладание того или иного направления исследований в зависимости от числа и баланса анализируемых уровней в рамках расширенной бохумской модели (уровни видимых индикаторов, идеологический и социальный), а также количества и направленности изучаемых связей между ними («бессвязность», одно- и разнонаправленные связи). В настоящее время в России в частности и в мире в целом преобладающим направлением географических исследований религии на мега-, макро- и мезоуровнях является синтетический подход секулярного этапа. В то же время увеличивается число исследований индивидуального религиозного опыта и опыта малых групп на основе теоретического и методического аппарата соответствующего постсекулярного подхода.

Ключевые слова: география религии, этапы развития, бохумская модель, исследовательские уровни и связи между ними, секуляризация.

Статья поступила в редакцию 28 июля 2018 г.

* Статья подготовлена по теме государственного задания № 0148-2019-0008.

GEOGRAPHY OF RELIGION IN RUSSIA AND ABROAD: THE HISTORY OF DEVELOPMENT AND THE NEW CHALLENGES

GOROKHOV Stanislav Anatolievich – *Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Staromonetnyi per., 29, Moscow, 119017, Russia; E-mail: stgorohov@yandex.ru*

© S. A. Gorokhov

Abstract: In his 1931 article “The Orient and Oriental Cultures”, Alfred Hettner, one of the foremost geographers of his time, described the geography of religions as the most complicated and the most sensitive area of geographical research. Indeed, there is hardly another geographical discipline that penetrates a purely personal and individual sphere of human existence as deeply as the geography of religion. This demands not only a reverential attitude to the methods for collecting this valuable and often hard-to-get information but also even closer attention to its interpretation. It is shown that, since its inception, the geography of religion went through several stages in its development: pre-secular, quasi-secular, secular, and post-secular. Each of these stages was characterized by the predominance of a particular research area, depending on the number and balance of levels analyzed within the framework of the extended Bochum model (the levels of visible indicators and the ideological and social levels), and on the number and direction of links between them (incoherence, unidirectional and multidirectional links). A synthetic approach of the secular stage is the currently prevailing line of geographical studies of religion at the mega, macro, and meso levels in Russia and worldwide. At the same time, the number of studies of individual and small group religious experiences, employing the theoretical and methodological strategies of a respective post-secular approach, continues to grow.

Keywords: geography of religion, stages of development, Bochum model, research levels and links between them, secularization.

For citation: Gorokhov, S. A. (2019) Geografiia religii v Rossii i za rubezhom: istoria razvitiia i novye vyzovy [Geography of Religion in Russia and Abroad: The History of Development and the New Challenges], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, vol. 40, no. 3, pp. 439–467, DOI: 10.31857/S020596060005925-9

Впервые термин «география религии» использовал в своем труде «Религия врача»¹, вышедшем в 1642 г., английский врач, ученый и писатель Томас Браун². Однако прошло еще полтора столетия, прежде чем из печати вышла первая работа, в названии которой фигурировала география религии, — опубликованная на немецком языке книга пастора Готтлиба Каше³. Некоторые исследователи одним из основателей географии религии считают И. Канта, который впервые сформулировал ее задачи. Это, разумеется, не означает, что до Брауна география религии вовсе не существовала, а после Канта ее задачи не претерпели никаких изменений: на самом деле это были своего рода «разные» *географии религии*. Косвенное подтверждение этого — множественность точек зрения на время возникновения географии религии: начиная с века Реформации⁴ и конца XVIII — начала XIX в.⁵ и до XX в.⁶, его середины⁷ и даже второй половины⁸. В этой связи трудно не согласиться с высказыванием М. Бюттнера:

География религии – это научная дисциплина, которая, как и все другие, непрерывно изменяется, чьи природа, цели и задачи по-разному рассматривались в разные эпохи...⁹

Действительно, на протяжении всего периода своего существования география религии не представляла собой монолитного образования: изменялись не только объект¹⁰ и предмет ее изучения, но и угол зрения, под которым они рассматривались как собственно географами,

¹ Browne, T. *Religio medici*. New York: John B. Alden, 1839.

² На самом деле в 1642 г. книга вышла в Лондоне без указания авторства Т. Брауна; ошибка издателя была исправлена в следующем издании, увидевшем свет годом позже.

³ Kasche, G. H. *Ideen über religiöse Geographie*. Lübeck, 1795.

⁴ Büttner, M. *Religion and Geography: Impulses for a New Dialogue between Religionswissenschaftlern and Geographers* // *Numen*. 1974. Vol. 21. No. 3. P. 163–196.

⁵ Кислюк К. В., Кучер О. Н. *Религиоведение*. Учебник для высших учебных заведений. 3-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.

⁶ Стрелецкий В. Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // *Псковский регионологический журнал*. 2012. № 14. С. 9–21.

⁷ Ровенчак І. Українська географія релігії: історія формування та предмет дослідження // *Історія української географії*. Всеукраїнський науково-теоретичний часопис. 2003. Вип. 2 (8) (<http://ukr-tur.narod.ru/istoukrgeo/allpubl/antropos/ukrgeorelig.htm>).

⁸ Озем Г. З., Сидоренко В. П., Шавель А. Н. К вопросу определения объекта исследования географии религии // *География в XXI веке: проблемы и перспективы развития*. Материалы международной научно-практической конференции 17–18 апреля 2008 года, Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина (www.bsu.by/Cache/pdf/172683.pdf).

⁹ Büttner, M. *On the History and Philosophy of the Geography of Religion in Germany* // *Religion*. 1980. Vol. 10. No. 1. P. 86.

¹⁰ Горохов С. А. Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий // *Известия РАН. Серия географическая*. 2014. № 2. С. 21–30.

так и представителями других дисциплин, занимающихся изучением религии. Однако можно выделить достаточно продолжительные (десятки, иногда сотни лет) временные отрезки — этапы развития географии религии, на протяжении которых указанные параметры оставались относительно постоянными.

Следует отметить, что попытки географов, изучающих религию, структурировать «свою» географию предпринимались и ранее ¹¹, однако относительно законченное выражение они получили лишь однажды, в 1990 г., с выходом статьи Л. Конг ¹². Проведенный Конг анализ большого количества источников и их разбивка по темам и временным интервалам представляет собой, вне всяких сомнений, важную веху в изучении истории географии религии. Однако фактически незатронутыми остались два крайне важных вопроса: первый — какие причины, лежащие *внутри* самой географии религии, вызывали в разные периоды изменения тематики исследований; второй — каковы *внешние* (объективно или субъективно лежащие вне поля зрения географов) по отношению к географии религии факторы, приводящие к этим же (или другим) изменениям. Справедливости ради необходимо отметить, что спустя два десятилетия Конг все-таки частично признала ошибку и пусть достаточно поверхностно, но обозначила необходимость освещения по крайней мере второго вопроса ¹³.

Ответ на первый вопрос следует искать с опорой на потенциал самой географии религии. Последняя не может пока похвастать большим количеством собственных (а не заимствованных из других направлений географической или других наук) относительно законченных разработок, которые могли бы претендовать на статус теории. Однако они есть. Самым, пожалуй, известным примером служит так называемая бохумская модель ¹⁴ развития религии во взаимодействии с окружающей ее физико-географической и социально-экономической средой ¹⁵. Данный процесс, являющийся, по мнению А. Д. Криндача, предметом географии религии ¹⁶, протекает в рамках традиционной диалектической схемы «тезис — антитезис — синтез». График его функции, бюттнеровская плоская псевдоспираль, — аналог синусоиды

¹¹ *Sopher, D.* Geography of Religions. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967; *Sopher, D.* Geography and Religions // Progress in Human Geography. 1981. Vol. 5. No. 4. P. 510–524.

¹² *Kong, L.* Geography and Religion: Trends and Prospects // Progress in Human Geography. 1990. Vol. 14. No. 3. P. 355–371.

¹³ *Kong, L.* Global Shifts, Theoretical Shifts: Changing Geographies of Religion // Progress in Human Geography. 2010. Vol. 34. No. 6. P. 755–776.

¹⁴ Названа так по наименованию города Бохума в современной Германии, где в июне 1970 г. в тезисах доклада «Гернгут как образец поселений, сформированных религией» Манфред Бюттнер, один из отцов-основателей современной немецкой школы географии религии, сформулировал ее основные положения.

¹⁵ *Büttner.* Religion and Geography... P. 169.

¹⁶ *Криндач А. Д.* География религии как научное направление // Известия АН СССР. Серия географическая. 1992. № 3. С. 63–69.

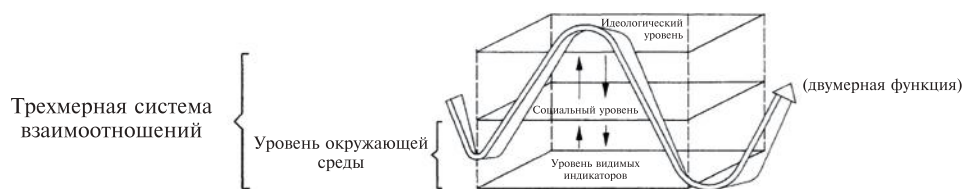

Рис. 1. Схема диалектического процесса развития религии по М. Бюттнеру (бохумская модель) (Büttner. *Religion and Geography*... Р. 187.)

с плавающей амплитудой, точки максимального удаления витков которой от центральной оси соответствуют этапам диалектического процесса: формирующаяся религия оказывает влияние на свое окружение — меняющееся окружение оказывает влияние на религию — изменившаяся религия оказывает новое влияние на окружение и т. д.

Протекание указанного процесса происходит в пространстве, мерность которого задается количеством задействованных уровней и наличием связей между ними (рис. 1). Манфред Бюттнер, видимо, интуитивно ощущая правильность данного подхода, попытался изобразить протекание диалектического процесса в виде трехмерной системы взаимоотношений¹⁷ между уровнями, однако далее этого не пошел. Его двумерная функция остается таковой всегда, т. е. ее мерность он фактически определяет лишь тем, что график функции процесса заключен между идеологическим уровнем и уровнем окружающей религию среды, состоящего, в свою очередь, из социального уровня и уровня видимых индикаторов. Факт двукомпонентности уровня окружающей среды сам по себе не представляет собой чего-то экстраординарного до того момента, пока его составляющие рассматриваются исследователем на паритетных началах. Однако же социальному уровню Бюттнер отводит в значительной степени второстепенную роль.

Так, анализируя связь между уровнями в направлении религия → окружающая среда, он выделяет два способа взаимодействия. Первый, прямой, осуществляется фактически без участия социального уровня, т. е. связь определяется культом, понятием святости и др. Второй способ взаимодействия, косвенный, в качестве *активного* игрока включает социальный уровень. Иллюстрацией сказанного может служить частный результат трансформации уровня окружающей среды под влиянием уровня идеологического (в культовой его части) — католический собор и мусульманская мечеть. Первый является сакральным местом (т. е. фактически местом пребывания Бога) для католиков, в то время как вторая для мусульман не сакральна¹⁸. Получается, по Бюттнеру, что если мечеть возведена людьми (социальный уровень в бохумской модели активен), то собор — фактически Святым Духом

¹⁷ Четвертой, «внемерной», координатой выступает время.

¹⁸ Сам Бюттнер приводит пример не с мечетью, а со зданием церкви для гернгутеров.

(социальный уровень не активен, а служит только лишь своего рода пассивным проводником святости при возведении собора).

Таким образом, определенная вариативность включения или исключения социального уровня, зависящая от каждого конкретного анализируемого случая, — основное уязвимое место бохумской модели, которое не позволяет распространить ее на все или по крайней мере на весьма значительное многообразие случаев, делает ее, так сказать, нерелятивистской. Не ясно, почему в случае активизации социального уровня (см. пример выше) каждая точка графика функции, отражающего ход протекания диалектического процесса развития религии в целом, по-прежнему должна иметь только две координаты, а влияние (т. е. связь) активированного уровня фактически отсутствует. Иными словами, Бюттнер «забывает человека», в значительной степени определяя его (вернее, социальную и иные, включая церковную организацию, структуры) как отражение¹⁹ процессов взаимодействия уровней идеологического и видимых индикаторов. Он все же оговаривается, фактически противореча себе, что

не религия как таковая оказывает прямое влияние на окружающую ее среду; взаимоотношения всегда осуществляются через группу людей [...] через социальную, экономическую и другие структуры²⁰.

Это связано, во-первых, с излишней сконцентрированностью на анализе уровня окружающей среды как прежде всего уровня видимых индикаторов, характерной, впрочем, для немецкой школы географии религии в целом. Несколько в ущерб социальному уровню излишне глубоко анализируется Бюттнером и уровень идеологический. Разумеется, взаимодействие представителей различных областей научного знания, изучающих религию, крайне важно — на это обращал внимание и он сам. Однако, как представляется, слишком глубокое проникновение географов в сферу интересов теологии или философии религии (пример — достаточно вольная трактовка Бюттнером, пусть и в неявном виде, понятия сакрального фактически через прямые и не прямые связи между идеологическим и ландшафтным уровнями в бохумской модели) несколько излишне.

Тем не менее бохумская модель может служить превосходной отправной точкой для выделения в рамках географии религии отдельных этапов развития последней. Для этого необходимо выяснить, какие из уровней представляли в то или иное время интерес для географов (или их предшественников, так или иначе трудившихся в географическом русле), изучающих религию, и какие связи между уровнями ими преимущественно изучались.

Однако перед этим необходимо лишить бохумскую модель ее главного недостатка, сделать ее, что называется, более релятивистской.

¹⁹ Пусть далеко не так категорично, как марксистско-ленинский подход оставлял ту же функцию для самой религии.

²⁰ Büttner. Religion and Geography... P. 169.

Обратим внимание на то, что, несмотря на заявленную Бюттнером трехмерность системы взаимоотношений между уровнями, на самом деле она трехмерна ²¹ по параметрам-уровням, но не по измерениям. Действительно, все три уровня в бохумской модели параллельны друг другу (рис. 1), иными словами, горизонтальное измерение фактически иллюстрирует внутри-, а вертикальное — межуровневые характеристики диалектического процесса. Более того, сам Бюттнер производит градацию уровней (нижний — уровень окружающей среды), необходимость которой вызывает большие сомнения. На наш взгляд, для релятивизации бохумской модели необходимо, во-первых, уравнивать в правах выделенные Бюттнером уровни и увеличить их количество до полноценных трех (идеологический, социальный, видимых индикаторов); во-вторых, отойти от иерархизации уровней и признать их равноправие; в-третьих, довести трехмерность системы взаимоотношений между уровнями до действительной трехмерности по измерениям, что, в свою очередь, приведет к закономерной смене двумерной функции диалектического процесса трехмерной. В качестве простейшего (и одного из возможных) примера взаимного расположения уровней может быть использована прямоугольная трехмерная декартова система координат, где за каждым уровнем закреплено свое измерение, а двигателем диалектического процесса выступает совокупность развивающихся во времени действий, так или иначе осуществляемых через социальный уровень.

Подчеркнем, что в настоящей работе перед нами не стоит собственно цель выявления особенностей взаимодействия между уровнями. Нам необходимо ответить прежде всего на первый вопрос к Конг. Расширенная и в определенной степени «релятивизированная» модель помогает сделать первый шаг в этом направлении: основные этапы развития географии религии связаны с достаточно длительным постоянством интереса исследователей к анализу какого-то одного или нескольких уровней (в определенном паритетном или непропорциональном соотношении), присутствующих в модели ²², и существующих между ними связей; смена этапов характеризуется изменением количества анализируемых уровней и / или направления и интенсивности данных связей и / или смещением акцента исследования с одного уровня на другой. Ответ на другую половину вопроса — какие внутренние причины обуславливали смену интересов исследователей и, соответственно, одного господствовавшего направления географии

²¹ А фактически двумерна, поскольку в трактовке Бюттнера лишь оба уровня — социальный и видимых индикаторов — совместно в виде уровня окружающей среды уравнивают, оказывают влияние и находятся под влиянием уровня идеологического.

²² При этом отсутствие интереса к какому-либо уровню (уровням) означает только лишь пониженное внимание к изучению его влияния и не свидетельствует, что такого влияния не было в принципе.

религии другим — будет дан ниже непосредственно при разборе предлагаемой нами периодизации географии религии.

Второй вопрос, не получивший должного отражения в статье Конг, — какие внешние по отношению к географии религии факторы обусловили смену одного ее этапа другим — очень сложен и многообразен. В настоящей работе мы считаем возможным остановиться лишь на одном, но крайне важном его аспекте, связанном в определенной степени с ответом на первый вопрос. Предложенное в 1965 г. Э. Исааком²³ и уточненное два десятилетия спустя Р. Стампом²⁴ разделение понятий «религиозная география» и «география религии»²⁵ привело к смещению акцента с того, что служило в разное время для исследователей религии с «географических» позиций отправной точкой для анализа — религии или ее проявлений. Гораздо более важную роль, на наш взгляд, стала играть развернувшаяся дискуссия о том, должен ли исследователь какой-либо религии полностью разделять ее основы (т. е. по сути быть ее адептом); если этот пункт не является обязательным, то должен ли он исповедовать какую-то другую религию (быть верующим в принципе) или же может вовсе быть нерелигиозным²⁶.

Полемика, основой которой послужила теория секуляризации, развернулась практически во всех направлениях религиоведения, однако, что очень важно, практически не затронула географию религии (примером единичных публикаций может служить работа Стоддарда и Пророка²⁷). Причиной этого послужило, как нами было показано выше, традиционно пониженное внимание географов религии к социальному уровню расширенной бохумской модели, изучение которого происходило фактически только лишь в рамках «деноминационной географии» (*denominational geography*, по В. Зелински²⁸) — исследований «географического распространения религий на разных уровнях и в разные моменты времени»²⁹. Трудно не согласиться с мнением, что именно в этом ракурсе проявляется «наиболее логичная связь между

²³ Isaac, E. *Religious Geography and the Geography of Religion* // *Man and the Earth* (University of Colorado Studies, Series in Earth Sciences). 1965. No. 3. P. 1–14.

²⁴ Stump, R. *The Geography of Religion – Introduction* // *Journal of Cultural Geography*. 1986. Vol. 7. No. 1. P. 1–4.

²⁵ Первая, по Стампу, «фокусирует свое внимание на роли религии в познании человеком мира и своего места в нем», в то время как вторая «в меньшей степени связана с религией как таковой, чем с ее проявлениями и связями в обществе, культуре и окружающей среде».

²⁶ Ferber, M. P. *Critical Realism and Religion: Objectivity and the Insider / Outsider Problem* // *Annals of the Association of American Geographers*. 2006. Vol. 96. No. 1. P. 176–181.

²⁷ Stoddard, R. H., Prorok, C. V. *Geography of Religion and Belief Systems* // *Geography in America at the Dawn of the 21st Century* / C. J. Willmott, G. Gaile (eds.). New York: Oxford University Press, 2003. P. 759–767.

²⁸ Zelinsky, W. *The Cultural Geography of the United States*. New York: Prentice Hall, 1973.

²⁹ Pacione, M. *The Geography of Religious Affiliation in Glasgow* // *Journal of Cultural Geography*. 2009. Vol. 26. No. 3. P. 370.

географией и религией», изучением которой «зачастую пренебрегают другие дисциплины»³⁰.

Иные процессы, происходящие в пределах социального уровня, и его связи с другими уровнями географами религии практически не изучались, однако текущие тенденции в развитии религиоведения не могли быть проигнорированы. Иными словами, начиная с эпохи Просвещения и Французской революции, характеризующихся окончательным разделением теологии и науки, вполне закономерно существенное увеличение количества «секулярных» географов религии, которое, однако, фактически не сопровождалось появлением географов религии, изучающих со своих позиций феномен секулярности. Именно поэтому секуляризация (ответ на второй вопрос к Конг) рассматривается нами в данном контексте как процесс, внешний по отношению к географии религии, который, тем не менее, оказал существенное влияние на смену ее этапов.

В этой связи необходимо отметить, что в терминах «секулярное – постсекулярное» развитие географии религии по отношению к другим направлениям религиоведения носит догоняющий характер (догоняющее развитие географии религии). Действительно, лишь в XXI в., когда споры о природе секулярного в других направлениях религиоведения существенно стихли и сменились дискуссиями о феномене постсекулярного, география религии лишь набирала силу в изучении секулярного (появились единичные публикации, лишь косвенно затрагивающие политическую³¹ и социальную³² секуляризацию). В то же время, и это характерная черта развития географии религии, исследования феномена постсекулярного появились почти одновременно с трудами, посвященными секуляризации. Данный тренд пока еще лишь обозначен³³, однако призывы к тщательному анализу географами этого аспекта развития в системе «религия – общество – окружающая среда» звучат все громче³⁴.

Таким образом, каждый этап развития географии религии (рис. 2) может быть охарактеризован более или менее длительным и постоянным сочетанием следующих параметров:

³⁰ Park, C. *Sacred Worlds*. London: Routledge, 1994. P. 56.

³¹ Knippenberg, H. *The Political Geography of Religion: Historical State-Church Relations in Europe and Recent Challenges* // *GeoJournal*. 2006. Vol. 67. No. 4. P. 253–265.

³² Stump, R. *The Geography of Religion: Faith, Place, and Space*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2008; Gökarksel, B. *Beyond the Officially Sacred: Religion, Secularism, and the Body in the Production of Subjectivity* // *Social and Cultural Geography*. 2009. Vol. 10. No. 6. P. 657–674.

³³ Warf, B., Winsberg, M. *Geographies of Megachurches in the United States* // *Journal of Cultural Geography*. 2010. Vol. 27. No. 1. P. 33–51; Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V. *Experience of Geographical Typology of Secularization Processes in the Modern World* // *Geography and Natural Resources*. 2016. Vol. 37. No. 2. P. 93–99.

³⁴ Wilford, J. *Sacred Archipelagos: Geographies of Secularization* // *Progress in Human Geography*. 2010. Vol. 34. No. 3. P. 328–348.

1) количество анализируемых уровней (идеологический, социальный, окружающей среды) в рамках расширенной бохумской модели, а также баланс в их изучении и оценка взаимного влияния («независимые» и «зависимые» уровни);

2) количество и направленность изучаемых связей между уровнями («бессвязность» — связи между уровнями априорно констатировались, но не изучались; изучались одно- или разнонаправленные связи);

3) преобладающая в среде исследователей точка зрения на роль религии в жизни общества (досекулярный, квазисекулярный, секулярный, постсекулярный этапы развития географии религии).

Вне всяких сомнений, первым изучаемым уровнем в развитии географии религии (в широком ее понимании, включая религиозную географию) стал идеологический. Первые исследования в этом направлении появились еще в Древней Греции. Однако достаточно дискуссионно разделение географических изысканий того времени по направлениям географии (и тем более выделение в качестве самостоятельного направления географии религии), поскольку практически все исследования были так или иначе связаны с религией и отделить религиозную географию античных времен, к примеру, от религиозной биологии весьма проблематично. Иными словами, в рамках расширенной бохумской модели исследования проводились исключительно с опорой лишь на один уровень — идеологический. В этой связи трудно не согласиться с мнением Конг, что исследования того времени могут «рассматриваться, скорее, как религиозное занятие, нежели как научное»³⁵.

Однако это еще не была география религии. Последняя в строгом понимании возникает лишь тогда, когда число исследуемых уровней увеличивается как минимум до двух. Стимулом к этому послужила Реформация, которая и дала начало географии религии в XVI в. в лоне католической теологии. Массовый уход из католицизма стимулировал церковь к закреплению численности существующей паствы и поиску «потенциальных новообращенных»³⁶. Соответствующие усилия получили выражение в фактически одновременном развитии двух соответствующих направлений религиозной географии: *исторической географии библейских времен* (*historical geography of biblical times*) и «старой» церковной географии³⁷ (*ecclesiastical geography*, по Э. Исааку). Первая, «интенсивная религиозная география», которая рассматривалась М. Ниндером³⁸ как не более чем «история церкви с географической

³⁵ Kong. Geography and Religion... P. 356.

³⁶ Shelton, T., Zook, M., Graham, M. The Technology of Religion: Mapping Religious Cyberscapes // The Professional Geographer. 2012. Vol. 64. No. 4. P. 603.

³⁷ В русскоязычной литературе иногда встречается другой, не совсем удачный перевод — «духовная география».

³⁸ Neander, M. Orbis terrae partium succincta explication. Eisleben: Sumtibus Iacobi Apeli, 1583.

Рис. 2. Этапы и направления развития географии религии (составлено автором). Смена заливки горизонтальных блоков сверху вниз соответствует смене этапов развития географии религии: от досекулярного (бледно-серый цвет), через квазисекулярный (светло-серый) и секулярный (серый) к постсекулярному (темно-серый цвет) этапу. Прямоугольник со стрелкой на одном из оснований означает, что данное направление существует до настоящего времени; без стрелки – фактически пресекающееся направление; трапеция – направление существует в настоящее время в рамках других отраслей научного знания. Линия без стрелки обозначает непосредственное формирование того или иного направления на основе ему предшествовавшего, линия со стрелкой – влияние одного из направлений на развитие другого

точки зрения»³⁹, иллюстрировала «могущественное влияние христианской церкви»⁴⁰ через установление соответствия мест, описанных в Библии, и современных ландшафтов. Вторая, «экстенсивная религиозная география», сосредоточила основное внимание на описании распространения христианства в мире и картографировании этого процесса⁴¹.

Общим моментом для двух направлений религиозной географии была опора на идеологический уровень расширенной бохумской

³⁹ Büttner. Religion and Geography... P. 165.

⁴⁰ Kong. Geography and Religion... P. 357.

⁴¹ Peucer, C. De dimensione terrae. Wittebergae: Ex typographia Simonis Gronenbergii, 1556.

модели; отличие заключалось лишь в том, какой уровень выступал в качестве подчиненного (рис. 2). Связи между уровнями не изучались, их наличие лишь фактически априорно констатировалось. Главенствующая роль религии в исследованиях позволяет говорить об этом этапе развития географии религии, закономерно совпадающем с досекулярным этапом, как о «религиозной географии» (по терминологии Р. Стампа). Важнейшим ее событием, ставшим своеобразным проводником и стимулом дальнейшего развития географии религии, стало обращение исследователей, пусть и достаточно робкое, к социальному уровню модели. Первым обозначил этот путь Себастьян Мюнстер⁴², положив начало концу *досекулярного этапа* развития географии религии, а вместе с ним и ее религиозно-географическому направлению. Еще одной уникальной особенностью географии религии является ее преемственность по отношению к религиозной географии. К примеру, для социологии религии характерна обратная ситуация: религиозная социология выделилась из социологии религии лишь после Первой мировой войны (в основном в рамках французской школы, см., например, работы Г. Ле Бра).

Представляется крайне важным тот факт, что труд Мюнстера увидел свет раньше, чем произведения Ниндера и К. Пойцера. Это означает, что сомнения в абсолютности первенствования идеологического уровня, пусть и достаточно робкие, зародились не под влиянием первых религиозно-географических трудов, а параллельно с ними. Иными словами, подтверждается выдвинутый нами тезис о том, что смена этапов развития географии религии (в терминах «досекулярное — секулярное — постсекулярное») действительно является внешним по отношению к развитию данной научной субдисциплины фактором.

Таким образом, именно дивергенция в XVI в. общего потока теологических «научных» изысканий и явилась отправной точкой формирования современных направлений географии религии. «Праотцом» последних стала именно *«старая» церковная география*; ветвь исторической географии библейских времен хоть и не пресеклась, но сохраняется в виде своеобразного «одноостного» реликта на протяжении вот уже почти пяти столетий. Среди крайне интересных работ, выполненных в рамках данного направления в последние годы, следует отметить, к примеру, библейский атлас Б. Бейтцеля⁴³.

Здесь представляется важным обратить внимание на еще одну особенность географии религии: почти все ее ветви и направления, когда бы они ни возникли, имеют (дискретно или континуально на протяжении периода своего существования) свое выражение в настоящем⁴⁴. Так, не только историческая география библейских времен, но и «старая» церковная география получили признание среди современных ученых, особенно трудящихся в религиозных исследовательских

⁴² Münster, S. Cosmographia. Basel: Henrichum Petri, 1544.

⁴³ Beitzel, B. J. The Moody Atlas of the Bible. Chicago: Moody Publishers, 2009.

⁴⁴ Есть лишь одно исключение — о нем будет сказано позднее.

центрах. Стоит отметить блестящее исследование коллектива греческих авторов «Картографирование следов апостола Павла»⁴⁵, католическое периодическое издание «Латеранские анналы» (*Annali Lateranensi*), основанное в 1937 г. во время понтификата папы Пия XI главой Венской школы этнографии Вильгельмом Шмидтом в Ватикане и содержащее в том числе исследования географической направленности (ныне «Анналы Папского этнологического музея» (*Annali del Pontificio Museo Missionario Etnologico*), труды сотрудников Центра географии религии, созданного в 2010 г. при отделе внешних церковных отношений Русской православной церкви, и др.

Возникновение собственно географии религии – «преемницы» религиозной географии – относится к первой половине XVII столетия, когда влияние на нее теологии стало значительно ослабевать (пионерной в этом отношении работой является труд Б. Кекерманна⁴⁶). Однако оно не исчезло совсем, что выразилось в преемственности двух новых дивергентных направлений «старой» церковной географии. Так, «новая» церковная география несколько сместила акцент исследований с изучения распространения только лишь христианства на анализ различных религий, с которыми встречались европейские миссионеры. Благодаря работам, сначала рассматривавшим особенности других религий через призму христианства⁴⁷, а затем вне христианского влияния⁴⁸, были заложены основы того направления географии религии, которое Зелински обозначил как «деноминационная география». В дальнейшем оно получило на разных территориальных уровнях как широкое самостоятельное развитие, так и развитие в связке с демографией (см., например, изданный в 1662 г. труд Джона Граунта⁴⁹), этнографией⁵⁰ (интересно, что в Италии «в эпоху Рисорджименто [...] этнография неоднократно определялась и как “политическая и социальная география”»⁵¹) и другими науками. И хотя влияние теологии по-прежнему было значительным (идеологический уровень модели оставался главным в исследованиях), среди исследователей религии, принадлежащих к этому направлению, появилась новая точка зрения – «нейтральная позиция»⁵² – на ее отношения с географией.

⁴⁵ Mapping the Footsteps of the Apostle Paul / P. Savvaides (ed.). Thessaloniki: National Center for Maps and Cartographic Heritage – National Map Library, 2009.

⁴⁶ Keckermann, B. *Systema geographicum*. Hanoviae: Antonius, 1611.

⁴⁷ Bertius, P. *Theatri geographiae veteris tomus prior*. Amstelodami: Iudoci Hondii, 1618; Carpenter, N. *Geography Delineated Forth in Two Books*. Norwood: W. J. Johnson, 1976.

⁴⁸ Varenius, B. *Descriptio Regni Iaponiae*. Amsterdam: Ludovicus Elzevirus, 1649.

⁴⁹ Graunt, J. *Natural and Political Observations Mentioned in a Following Index, and Made upon the Bills of Mortality*. Baltimore: The Johns Hopkins press, 1939.

⁵⁰ Ferrario, G. *Il costume antico e moderno*. Firenze: Per Vincenzo Batelli, 1831.

⁵¹ Красновская Н. А. К истории этнографической науки в Италии // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 133–149.

⁵² Büttner. On the History and Philosophy... P. 92.

Данный факт позволил нам отнести это направление к *квазисекулярному этапу* развития географии религии.

На наш взгляд, одним из проявлений «новой» церковной географии квазисекулярного этапа (в терминах «зависимости — независимости» исследуемых уровней бюттнеровской модели и связей между ними) в наши дни, пусть и в несколько измененном виде, с учетом, по крайней мере, и уровня видимых индикаторов, можно считать активно развивающуюся на Украине с 1990-х гг. *сакральную географию*. Последнюю украинские коллеги предлагают рассматривать

как науку, которая изучает священно-традиционное проявление Бытия в конкретно историческом и географическом пространстве [...] Сакрально-географический подход предполагает причастность человека, окружающего мира и различных проявлений бытия к Божественному (Абсолютному) Первоначалу ⁵³.

В то же время, утверждая, что в основе сакральной географии лежит «изучение священного способа жизни людей, общества в пространственном аспекте» ⁵⁴, современные украинские авторы в качестве основополагающей для сакральной географии публикации упоминают тезисы выступления 1993 г. О. И. Шабля и А. И. Висьтак ⁵⁵. Данная работа, будучи действительно одной из первых по географии религии на постсоветском пространстве, однако, не позволяет установить «уникальность» сакральной географии как самостоятельного направления географической науки. Более того, не представляется возможным также на основе упоминаемых и других публикаций провести более или менее четкую границу между сакральной географией и географией религии. В то же время, учитывая указанные выше определения сакральной географии и того направления географии религии, которое Д. Софер интерпретировал как

географию и космологию, которые предстают в сознании религиозного человека в качестве средства, посредством которого он, полный веры, видит мир и свое место в нем, Град Божий, рай и ад, совершенных и избранных, неверующих и проклятых ⁵⁶,

правомерно, на наш взгляд, констатировать наличие общих черт между современной сакральной географией и «новым» церковным направлением географии религии на квазисекулярном этапе развития последней.

⁵³ Шуканов П. В. Методологические основы происхождения и развития сакральной географии // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія: Геологія — Географія — Екологія. 2012. № 1033. Вип. 37. С. 230.

⁵⁴ Шевчук Л. Т. Соціальна географія: Навчальний посібник. Київ: Знання, 2007.

⁵⁵ Шаблій О. І., Висьтак А. І. Сакральна географія: становлення і проблеми розвитку // Проблеми територіальної організації общества: тези доповідей. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1993. С. 27–28.

⁵⁶ *Sopher. Geography and Religions...* P. 518.

Второе дивергентное направление «старой» церковной географии на квазисекулярном этапе — *физико-теологическое* — стало первым, в рамках которого появляются все три уровня модели, но, что гораздо важнее, начинают изучаться связи между ними. Последние в трудах ученых того времени ⁵⁷ и более позднего периода ⁵⁸ отражают, однако, лишь однонаправленный характер влияния преобладающего идеологического уровня на два других. Утверждается, что будь то «распределение климата, или [...] растений или животных в разных зонах, или [...] озер» — все это «слишком благоприятно для жизни и слишком хорошо основано, чтобы рассматриваться в качестве случайных обстоятельств» ⁵⁹.

В XX в. физико-теологическое направление географии религии получило второе рождение в виде двух параллельно развивающихся ветвей: *религиозной экологии* и *географической (environmental) теологии*. Первая через известную работу Л. Уайта ⁶⁰ и труды некоторых других исследователей сделала акцент на роли религии в деградации окружающей среды. Весьма интересной в этом отношении представляется и работа И Фу Туана, увидевшая свет годом позже ⁶¹, в которой автор убедительно показывает, что различная экологическая этика христианства, с одной стороны, и китайских религий, с другой, имеет своим следствием различное воздействие на окружающую среду со стороны их адептов. Географическая теология, в свою очередь, поставила во главу угла изучение влияния религии на экологию растений и животных: изучение религиозной составляющей аккультурации растений или одомашнивания животных, противопоставляющейся экономическим причинам; выявление особенностей жизнедеятельности коров в Индии в соответствии с их статусом в этике индуизма и пр.

Однако вернемся к квазисекулярному этапу развития географии религии. Его окончание приходится на конец XVII — начало XVIII столетия и связано с наступлением века Просвещения. Отношение к религии в исследовательской среде начинает меняться: идеологический уровень модели перестает быть основой, все чаще встает вопрос о том (в том числе в трудах Вольтера, Монтескье и др. выдающихся мыслителей того времени), представляет ли религия сама по себе силу, «безусловно и однозначно благотворную для общества» ⁶², — наступает *секулярный этап* развития географии религии. Его «первооткрывателем»

⁵⁷ Ray, J. The Wisdom of God Manifested in the Works of the Creation. London: William Innys and Richard Manby, 1735.

⁵⁸ Kasche. Ideen über religiöse Geographie...

⁵⁹ Glacken, C. J. Changing Ideas of the Habitable World // Man's Role in Changing the Face of the Earth / W. L. Thomas, Jr. (ed.) Chicago: University of Chicago Press, 1959. P. 75.

⁶⁰ White, L. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis // Science. 1967. Vol. 155. No. 3767. P. 1203–1207.

⁶¹ Tuan, Y. F. Discrepancies between Environmental Attitudes and Behavior: Examples from Europe and China // The Canadian Geographer. 1968. Vol. 12. No. 3. P. 176–191.

⁶² Гараджа В. И. Социология религии. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 115.

может считаться П. Бейль, неофициально обозначивший наступающий XVIII в. как век господства точек зрения, стоящих на политико-секулярных позициях ⁶³:

Религия не была ни мотивом, побуждавшим [...] к объединению в общество, ни основой этого объединения. Следовательно, для сохранения политического тела не абсолютно необходимо, чтобы в нем имелась религия ⁶⁴.

Новый *детерминистский подход* развивался фактически параллельно с физико-теологическим и (по крайней мере на первых порах) под влиянием «новой» церковной географии квазисекулярного этапа ⁶⁵. Повышенное внимание исследователей к однонаправленным каналам влияния уровня видимых индикаторов на идеологический уровень в рамках детерминистского подхода послужило основой рождения в рамках последнего многих весьма интересных идей. Так, например, О. Ф. Пешель в 1874 г. высказал мысль о существовании «зоны основателей религии» (*die Zone der Religionsstifter*) – пояса в Азии между десятым и сороковым градусами северной широты, откуда происходят основатели всех религий ⁶⁶; становление исламских канонов под влиянием природных условий Аравии проследил в начале XX в. В. Гебель ⁶⁷ и т. д.

Свое продолжение детерминистский подход получил и в XX в. Так, последовательница Ф. Ратцеля Э. Сэмпл происхождение монотеистических религий на Ближнем Востоке объясняла тем, что, наблюдая в безоблачном небе этого региона движение звезд и планет, местные жители видели в этом единый замысел, действие руки единого Творца ⁶⁸. Она также подчеркивала, что совокупность образов и символов различных религий обусловлена географическими особенностями тех территорий, в пределах которых возникли данные религии. К примеру, ад в представлениях эскимосов предстает в виде темного и очень холодного места, с постоянно бушующими ветрами. В то же время для иудеев ад – место вечного огня. Схожую с Сэмпл позицию по

⁶³ Социальная секуляризация появилась лишь полтора-два столетия спустя благодаря трудам К. Маркса, Э. Дюркгейма и особенно М. Вебера, хотя идею о «приватизации» религии (и свободе вероисповедания каждого конкретного человека) высказал еще Дж. Локк.

⁶⁴ Бейль П. Исторический и критический словарь: в 2 т. М.: Мысль, 1968. Т. 2. С. 434.

⁶⁵ Cummings, J. A. An Introduction to Ancient and Modern Geography. Boston: Cummings and Hilliard, 1820.

⁶⁶ Peschel, O. Völkerkunde. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874.

⁶⁷ Gebel, W. Der Islam – die Religion der Wüste // Beihefte zu den Jahresberichte der Schlesischen Gesellschaft für vaterländische Kultur. Breslau: G. P. Aderholz' Buchhandlung, 1922. P. 104–133.

⁶⁸ Semple, E. Ch. Influences of Geographic Environment: On the Basis of Ratzel's System of Anthro-Geo-geography. New York: Henry Holt and Company, 1911.

отношению к влиянию уровня видимых индикаторов на идеологический уровень занимали также Э. Хантингтон, О. Хульткранц и др.⁶⁹

Под влиянием детерминистского подхода в географии религии в XIX в. возник новый, не похожий ни на какой другой подход — *марксистский*. Он, так же как и его предшественник, фактически рассматривал идеологический уровень бохумской модели в качестве зависимого. Опираясь на теорию отражения, представители данного подхода рассматривали религию в качестве внесоциального феномена. В этом отношении марксистский подход может считаться своего рода антагонистом подходов досекулярного этапа развития географии религии, наоборот, возводящих идеологический уровень в абсолют. Уникальность же марксистского подхода состоит в том, что он, оказывая во времена своего расцвета мощное влияние на исследователей религии (в том числе географов), не оставил после себя — что вполне ожидаемо — сколь-либо значимых работ по географии религии. Вместе с тем, будучи единственным в рамках бохумской модели подходом, фактически пресекавшимся как в географии религии, так и в других религиоведческих дисциплинах, он оказал сильнейшее воздействие на дальнейшее развитие этих научных направлений.

Для большинства стран, развивавшихся под влиянием марксистско-ленинских идей, после перехода к иной государственной идеологии был характерен возврат (в иной форме, нежели в странах, не прошедших этот этап) религии в общественную жизнь⁷⁰. В этой связи перед представителями научной общественности в этих странах встал вопрос о необходимости выбора пути дальнейшего развития исследовательских направлений в религиоведческих дисциплинах, в том числе и в географии религии. Одни — например, украинские исследователи — предпочли ориентироваться на собственные разработки (см. выше о сакральной географии). Другие же — например, российские географы религии — пошли по пути «догоняющего развития», наверстывая упущенное и ориентируясь на современные западные школы. Необходимо отметить, что и в России, и на Украине соответствующие *постоянные* научные изыскания оформились достаточно поздно — лишь в самом конце 1990-х гг. И здесь трудно не согласиться с мнением А. Г. Манакова, утверждавшего, что оформление географии религии в «отечественной географии [...] приходится только на конец 1980-х — 1990-е гг.»⁷¹.

⁶⁹ Huntington, E. Mainsprings of Civilization. New York: John Wiley and Sons, 1945; Hultkrantz, A. An Ecological Approach to Religion // Ethnos. 1966. Vol. 31. No. 1–4. P. 131–150.

⁷⁰ Горохов С. А. Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX — начале XXI в. // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 6. С. 107–116.

⁷¹ Манаков А. Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия // [http://st.volny.edu/index.html?p\[1\]=5](http://st.volny.edu/index.html?p[1]=5).

В современной России пока еще наблюдается явный дефицит научных работ по географии религии: вышли в свет несколько монографий ⁷², картографических работ ⁷³ и учебных изданий ⁷⁴, защищены 12 кандидатских и одна докторская ⁷⁵ диссертация. Сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как ответ на вызов советского периода, когда подавляющая часть весьма немногочисленных работ по географии религии посвящалась зарубежным странам. Среди них необходимо отметить исследования выдающегося отечественного религиоведа и географа П. И. Пучкова ⁷⁶, а также неоконченную серию трудов этнолога Г. А. Шпажникова по религиям народов, населяющих различные регионы мира, выполненных в русле деноминационной географии ⁷⁷.

Малое количество работ по географии религии в советский период (в дореволюционной России такого рода работ также было немного, отметим лишь выполненное И. Покровским фундаментальное исследование русских епархий ⁷⁸) достаточно часто объясняется

не только господствовавшими в советской науке мировоззренческими установками, но и произошедшим за годы советской власти катастрофическим «сужением» самой религиозной сферы ⁷⁹.

С этим утверждением можно согласиться, однако, лишь отчасти: действительно, проводившиеся в то время исследования религиозности населения СССР осуществлялись под жестким контролем Института научного атеизма при Академии общественных наук при ЦК КПСС. Большая их часть при этом публиковалась под грифами «Для служебного пользования» или «Секретно», однако после распада Советского Союза и снятия грифов с большинства документов мы можем

⁷² Сафронов С. Г. Русская православная церковь в конце XX века: территориальный аспект. М.: Московский центр Карнеги, 2001; Набиева У. Н. Культурная география Дагестана. М.: Институт наследия, 2002.

⁷³ Белозеров В. С., Панин А. Н., Приходько Р. А. и др. Этнический атлас Ставропольского края / Науч. ред. П. М. Полян. Ставрополь: ФОК-Юг, 2014; Герасименко Т. И., Святоха Н. Ю., Филимонова И. Ю. Этногеографический атлас Оренбургской области. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2015.

⁷⁴ Лобжанидзе А. А., Горохов С. А., Заяц Д. В. Этногеография и география религий. М.: Academia, 2005; Горохов С. А., Христов Т. Т. Религии народов мира. 3-е изд. М.: КНОРУС, 2016.

⁷⁵ Горохов С. А. Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2017.

⁷⁶ Пучков П. И. Современная география религий. М.: Наука, 1975.

⁷⁷ Шпажников Г. А. Религии стран Западной Азии. Справочник. М.: Наука, 1976; Шпажников Г. А. Религии стран Юго-Восточной Азии. Справочник. М.: Наука, 1980; Шпажников Г. А. Религии стран Африки. Справочник. М.: Наука, 1981.

⁷⁸ Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв. Их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань: Типолитография Императорского университета, 1897.

⁷⁹ Стрелецкий В. Н. Культурная география // Социально-экономическая география в России / Ред. П. Я. Бакланов, В. Е. Шувалов. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 81.

констатировать, что количество подобных исследований исчисляется по крайней мере десятками (например, первое репрезентативное исследование религиозности населения Казани в 1966 г.⁸⁰, за ним последовали крупные исследования в Пензенской (1967–1968 и 1972–1977), Куйбышевской (1969–1971), Горьковской (1972–1973 и 1982) областях, в Марийской (1973 и 1986), Башкирской (1970–1974), Татарской (1967 и 1987), Мордовской (1985–1986) АССР и др.⁸¹). При этом за более чем 25 лет существования современной России в условиях отсутствия регулярного сбора статистических данных о религиозной принадлежности ее населения количество такого рода публикаций вряд ли серьезно превышает число таковых за аналогичный период 1960–1985 гг.⁸² В этой связи, как представляется, вина за замедленное развитие исследований в рамках географии религии должна быть разделена поровну между официальной идеологией и данным направлением.

Вернемся, однако, к рассмотрению следующих по времени возникновения подходов географии религии в рамках бохумской модели. Ранние труды М. Вебера также были созданы под влиянием детерминистского подхода. Однако в трактовке эволюции географии религии в терминах изучения влияния уровней бохумской модели его можно считать последователем именно физико-теологического подхода. Этот факт, тем не менее, требует пояснения как минимум в двух аспектах. Во-первых, как и «физико-теологи», Вебер в качестве (условно) независимого уровня рассматривал именно идеологический. Однако преемственность веберовского подхода выразилась в рассмотрении того, какой уровень являлся зависимым. Как следует из анализа трудов «зрелого» Вебера, особенно его «Протестантской этики и духа капитализма»⁸³, в качестве такового им рассматривался прежде всего уровень социальный. Во-вторых, и это самая большая заслуга Вебера, «снятие» им условия абсолютности идеологического уровня повлекло за собой наступление *этапа социальной секуляризации* в развитии религиоведения вообще и географии религии в частности.

Однако, принимая во внимание внешний по отношению к развитию географии религии характер секулярных процессов (и ее

⁸⁰ Опыт конкретно-социологического изучения состояния религиозного населения г. Казани // Информационный бюллетень ИНА АОН при ЦК КПСС. 1968. № 1.

⁸¹ Кильдеев М. Уровень мусульманской религиозности населения в Среднем Поволжье и Приуралье по данным советских социологических исследований (1966–1991) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 1. С. 131–150; Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2001. № 4. С. 266–272.

⁸² В 1960–1961 гг. по всей стране были созданы комиссии по контролю за соблюдением законодательства о культах при местных органах власти, в число обязанностей которых входил сбор информации об уровне религиозности населения.

⁸³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

«догоняющий» характер), следует отметить, что прямых последователей веберовского *социосекулярного направления* в географии религии на этапе его становления было не так много. Действительно, среди крупных его представителей можно отметить лишь Пьера Деффонтена⁸⁴. Данный феномен объясняется тем, что география религии к этому моменту оказалась пресыщенной изучением однонаправленного характера связей между уровнями бохумской модели. Это, в свою очередь, обусловило фактическое отсутствие исследований, выполненных в рамках данного направления географии религии, и в наши дни. В то же время, особенно под влиянием работ Деффонтена, веберовский взгляд на взаимоотношение уровней бохумской модели стал популярен в среде социологов (прежде всего во Франции, хотя не только), что и повлекло за собой становление в качестве самостоятельного территориального подхода в социологии религии (крупная обобщающая работа — «Атлас глобального христианства»⁸⁵, среди отечественных работ последнего времени см., например, труды И. Каргиной⁸⁶).

Поистине революционным переворотом в современной географии религии стал выход книги Дэвида Софера «География религий»⁸⁷ на рубеже второй и последней третей XX в. Действительно, имя Софера традиционно связывается с крушением исследовательской парадигмы, имевшей своей целью изучение однонаправленных связей в рамках уровней бохумской модели, и усилением внимания к связям разнонаправленного характера. Синтез положений физико-теологического и детерминистского подходов привел к формированию *синтетического подхода*⁸⁸: таким образом, впервые в истории географии религии была обозначена множественность числа независимых уровней модели.

В то же время необходимо отметить, что достаточно часто встречающаяся точка зрения на роль Софера как первопроходца в этом направлении должна быть уточнена. За два десятилетия до выхода его работы П. Фикелер опубликовал статью «Основные вопросы географии религии»⁸⁹, в которой подчеркивал необходимость изучения связей разнонаправленного характера (в терминах бохумской модели). Однако, во-первых, статья Фикелера была опубликована на немецком языке, а переведена на английский и вышла в англоязычном журнале лишь 15 лет спустя, что, без сомнения, затруднило своевременное знакомство научной общественности с ее основными положениями.

⁸⁴ *Deffontaines, P. Géographie et religions. Paris: Gallimard, 1948.*

⁸⁵ *Atlas of Global Christianity. 1910–2010 / T. M. Johnson, K. R. Ross (eds.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.*

⁸⁶ *Каргина И. Г. Картография современного религиозного разнообразия // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 34. С. 34–44.*

⁸⁷ *Sopher. Geography of Religions...*

⁸⁸ *Matlovič, R., Žigrai, F. Vybrané metavedné problémy geografie religii // Geografické informácie 7. Slovensko a Integrujúca sa Európa. 2002. S. 153–166.*

⁸⁹ *Fickeler, P. Grundfragen der Religionsgeographie // Erdkunde. 1947. Bd. 1. S. 121–144.*

Во-вторых, хотя Фикелер и сделал первый шаг в новом направлении, но этот шаг оказался единственным: дальнейшие исследования автора оказались сконцентрированными лишь в рамках однонаправленного влияния независимого идеологического уровня на зависимые социальный уровень и уровень видимых индикаторов.

Близок к Фикелеру в этом отношении и другой отец-основатель синтетического подхода в географических исследованиях религии — Эрих Исаак. По мнению последнего, задача географии религии состоит в «выделении собственно религиозного из этно-социо-экономической матрицы [...] и в определении его относительного веса [...] в трансформации ландшафта»⁹⁰. Как представляется, предлагаемое отделение религиозного от социального, экономического и пр. и определение его влияния, так сказать, в чистом виде, крайне важно, однако зачастую весьма затруднительно, а порой и вообще невозможно⁹¹. Тем не менее значительный вклад Исаака в развитие географии религии вряд ли может быть подвергнут сомнению: строго говоря, складывавшийся в середине XX в. синтетический подход благодаря его работам следует признать скорее *синтетико-аналитическим*, пусть и с явным преобладанием синтетической составляющей.

Особенностью последнего во второй половине XX — начале XXI в. стало не только соединение существовавших до этого относительно автономных подходов, но и, как следствие, множественность взглядов на тематику возможных исследований. Указанные в таблице частные проявления предмета изучения географии религии, разумеется, претерпевали на протяжении всей второй половины XX в. разного рода изменения: менялось их количество, угол зрения, под которым они рассматривались различными исследователями, и пр.

Однако, как было показано ранее, к их числу не добавилось географическое изучение секуляризации. Несмотря на то, что еще Исаак в 1960 г. предупреждал о минимизации влияния религии на ландшафт по мере развития процессов секуляризации⁹², а спустя два десятилетия и Бюттнер предостерегал от превращения географии религии в «географию пережитков»⁹³, изучение секулярных (а в дальнейшем и постсекулярных) процессов так и не стало одной из основных задач географии религии. Более того, даже в XXI в.

⁹⁰ Isaac, E. The Act and the Covenant: The Impact of Religion on the Landscape // Landscape. 1961–1962. Vol. 11. No. 2. P. 12.

⁹¹ Горюхов С. А. Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 4. С. 56–61.

⁹² Isaac, E. Religion, Landscape and Space // Landscape. 1959–1960. Vol. 9. No. 2. P. 14–18.

⁹³ Büttner. On the History and Philosophy... P. 100.

равнодушие в отношении теории секуляризации в географии религии имеет своим следствием наличие географического пробела в социологической литературе ⁹⁴.

Таблица. Частные проявления предмета изучения географии религии в рамках синтетико-аналитического подхода ⁹⁵

По П. Фикелеру	По Э. Исааку	По Д. Соферу
святость и религиозная толерантность	демографическое развитие религиозных групп	деноминационная география
культовый символизм и значение сакральных цветов, звуков и направлений	религиозные группы, их размещение и структура	ландшафты и пространственная организация определенных религиозных групп
влияние религии на ландшафты	влияние религии на культурные ландшафты	сакральные центры
сакральные растения и животные	теоретические аспекты географии религии	паломничество

Наиболее ярким институциональным представителем синтетического подхода в изучении религии в рамках секулярной парадигмы является школа «старой» культурной географии Калифорнийского университета в Беркли, созданная в 1920-е гг. Карлом Зауэром. Будучи жестко повязанными на ландшафтных исследованиях ⁹⁶, ее представители по всему миру начиная со второй половины XX в. делали акцент именно на изучении влияния религии на ландшафты в самом широком их понимании: от выявления уровня воздействия представителей различных религий — этнических ⁹⁷, индуизма ⁹⁸, буддизма ⁹⁹ и др. — на физические формы ландшафта до установления степени территориальной локализации, характера и направления диффузии религиозных

⁹⁴ Wilford. Sacred Archipelagos... P. 331.

⁹⁵ Составлено автором по: Fickeler, P. Fundamental Questions in the Geography of Religions // Readings in Cultural Geography / P. L. Wagner, M. W. Mikesell (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1962. P. 94–117; Isaac, E. Myths, Cults and Livestock // Diogenes. 1963. Vol. 11. No. 41. P. 70–93; Sophor. Geography and Religions...

⁹⁶ Dongre, N. L. Religious Landscapes // <http://www.nldongre.com/Magzin/44.pdf>.

⁹⁷ Laatsch, W. G., Calkins, C. F. The Belgian Roadside Chapels of Wisconsin's Door Peninsula // Journal of Cultural Geography. 1986. Vol. 7. No. 1. P. 117–128.

⁹⁸ Biswas, L. Evolution of Hindu Temples in Calcutta // Journal of Cultural Geography. 1984. Vol. 4. No. 2. P. 73–85.

⁹⁹ Tanaka, H. Landscape Expression of the Evolution of Buddhism in Japan // The Canadian Geographer. 1984. Vol. 28. No. 3. P. 240–257.

групп ¹⁰⁰ и проведения районирования территории по религиозному признаку ¹⁰¹.

Возникновение в 1970-е гг. «новой», «гуманистической» географии отразилось на структуре географии религии несколько позднее. По выражению С. Пич,

«старая» культурная география основывалась на наблюдении за реальными явлениями; «новую» культурную географию интересует наблюдение за наблюдателями [...] «Старую» культурную географию интересовало то, что можно увидеть; «новую» культурную географию – то, что невидимо, что можно услышать [...] или ощутить... ¹⁰²

Действительно, географы религии оказались не готовы к столь радикальному пересмотру взглядов и переходу от изучения ландшафтных проявлений религии к установлению символического значения места как такового, от анализа массового к анализу индивидуального религиозного опыта.

Сложившийся к этому моменту плюрализм мнений и методик географического изучения религии в рамках как синтетического, так и предшествующих ему подходов дал повод Туану – одному из основателей «гуманистической» географии – при анализе структуры географии религии охарактеризовать состояние исследований в рамках этого направления как «беспорядочное из-за отсутствия согласованного определения того феномена, который оно стремится понять» ¹⁰³. При этом лекарство он видел в «постижении смысла религии» ¹⁰⁴.

Данные утверждения представляются крайне важными, поскольку помогают оценить состояние географии религии рубежа второй и последней третей XX в. Первая и вторая трети прошлого столетия стали эпохой расцвета секулярных процессов, временем ухода религии из общественной жизни, сопровождавшимся в большинстве своем ростом доли нерелигиозного населения ¹⁰⁵. Когда в середине века угроза потери географией религии объекта своего изучения стала явной, она вместо всестороннего изучения и объяснения данного феномена

¹⁰⁰ Heatwole, C. A. A Geography of the African Methodist Episcopal Zion Church // *Southeastern Geographer*. 1986. Vol. 26. No. 1. P. 1–11; Горохов С. А. Христианство в эпоху глобализации: основные тенденции пространственного развития // *Известия РАН. Серия географическая*. 2016. № 6. С. 26–34.

¹⁰¹ Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V., Zakharov, I. A. Territorial Development of Christianity in Africa in the 20th – Early 21st Centuries // *Geography and Natural Resources*. 2018. Vol. 39. No. 1. P. 88–94.

¹⁰² Peach, C. Social Geography: New Religions and Ethnoburbs – Contrasts with Cultural Geography // *Progress in Human Geography*. 2002. Vol. 26. No. 2. P. 257.

¹⁰³ Tuan, Y. F. Humanistic Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66. No. 2. P. 271–272.

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ Горохов С. А. Религиозная идентичность как фактор формирования конфессиональных регионов современного мира // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2012. № 5. С. 49–55.

фактически сконцентрировала силы в основном на изучении только лишь изменений в религиозной структуре населения стран и регионов мира. Именно этим можно объяснить наблюдаемое в то время «отсутствие согласованного определения», подчеркиваемое Туаном. Выглядят пророческими и его слова о «постижении смысла религии», поскольку именно в последней трети XX в. во многих регионах Земли можно было (а в некоторых можно и сейчас) наблюдать ее возвращение в общественный дискурс.

К сожалению, феномен постсекулярного также не получил должного отражения в трудах географов религии: они в большинстве своем сконцентрировались на изучении лишь его последствий, важнейшим из которых стало обострение меж- и внутрирелигиозных конфликтов. При этом количество точек зрения на рассматриваемые вопросы увеличилось по сравнению со временем выхода статьи Туана еще больше: помимо синтетического подхода секулярного этапа развития географии религии (в рамках «старой» культурной географии школы Беркли) большое развитие в конце 1980-х — начале 1990-х гг. получил родственный ему подход *постсекулярного* этапа (в рамках «новой», «гуманистической» географии) ¹⁰⁶.

Если в рамках географии в целом отцами-основателями «нового» направления были прежде всего Туан и Э. Релф, то в географии религии таковой является Конг. Помимо уже упомянутых ее работ можно выделить труды других представителей постсекулярной географии религии по изучению индивидуального восприятия пространства протестантами ¹⁰⁷, индуистами ¹⁰⁸, мусульманами ¹⁰⁹, православными ¹¹⁰, иудаистами ¹¹¹. Противоборство между представителями двух этих направлений приняли особенно острую форму сразу после появления первых работ, выполненных в рамках постсекулярной традиции. Так, Г. Левайн утверждал, что

¹⁰⁶ Здесь мы считаем необходимым обратить особое внимание на как никогда усилившуюся конвергенцию между географией (в рамках постсекулярного этапа) и социологией религии, одинаково остро поставивших никогда ранее не звучавший столь актуально вопрос об уровне индивидуальной религиозности.

¹⁰⁷ *MacDonald, F.* Towards a Spatial Theory of Worship: Some Observations from Presbyterian Scotland // *Social and Cultural Geography*. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 61–80.

¹⁰⁸ *Nagar, R.* The Making of Hindu Communal Organizations, Places, and Identities in Postcolonial Dar es Salaam // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1997. Vol. 15. No. 6. P. 707–730.

¹⁰⁹ *Naylor, S., Ryan, J. R.* The Mosque in the Suburbs: Negotiating Religion and Ethnicity in South London // *Social and Cultural Geography*. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 39–59.

¹¹⁰ *Raivo, P. J.* The Peculiar Touch of the East: Reading the Post-War Landscapes of the Finnish Orthodox Church // *Social and Cultural Geography*. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 12–24.

¹¹¹ *Vincent, P., Warf, B.* Evurim: Talmudic Places in a Postmodern World // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2002. Vol. 27. No. 1. P. 30–51.

география религии не может иметь дело с персональным религиозным опытом как таковым, но может изучать организованные религиозные системы и институциональное религиозное поведение ¹¹².

Не полемизируя со сторонниками того или иного направления географии религии, мы, тем не менее, должны подчеркнуть, что в большинстве как отечественных, так и зарубежных исследований, охватывающих мир в целом, страны и их отдельные части, за основу взят именно секулярный синтетический подход — хотя бы потому, что на мега-, макро- и даже мезотерриториальных уровнях в силу объективных и субъективных причин анализ индивидуального религиозного опыта, отражающего основные тенденции развития этих территорий в рамках единой территориальной системы, крайне затруднен, если вообще возможен.

References

- Beil', P. (Bayle, P.) (1968) *Istoricheskii i kriticheskii slovar'* [A Historical and Critical Dictionary]. Moskva: Mysl'.
- Beitzel, B. J. (2009) *The Moody Atlas of the Bible*. Chicago: Moody Publishers.
- Belozerov, V. S., Panin, A. N., and Prikhod'ko, R. A. (2014) *Etnicheskii atlas Stavropol'skogo kraia* [The Ethnic Atlas of the Stavropol Krai]. Stavropol': FOK-Iug.
- Bertius, P. (1618) *Theatri geographiae veteris tomus prior*. Amstelodami: Iudoci Hondii.
- Biswas, L. (1984) Evolution of Hindu Temples in Calcutta, *Journal of Cultural Geography*, vol. 4, no. 2, pp. 73–85.
- Browne, T. (1839) *Religio medici*. New York: John B. Alden.
- Büttner, M. (1974) Religion and Geography: Impulses for a New Dialogue between Religionswissenschaftlern and Geographers, *Numen*, vol. 21, no. 3, pp. 163–196.
- Büttner, M. (1980) On the History and Philosophy of the Geography of Religion in Germany, *Religion*, vol. 10, no. 1, pp. 86–119.
- Carpenter, N. (1976) *Geography Delineated Forth in Two Books*. Norwood: W. J. Johnson.
- Cummings, J. A. (1820) *An Introduction to Ancient and Modern Geography*. Boston: Cummings and Hilliard.
- Deffontaines, P. (1948) *Géographie et religions*. Paris: Gallimard.
- Dongre, N. L. Religious Landscapes // <http://www.nldongre.com/Magzin/44.pdf>.
- Ferber, M. P. (2006) Critical Realism and Religion: Objectivity and the Insider / Outsider Problem, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 96, no. 1, pp. 176–181.
- Ferrario, G. (1831) *Il costume antico e moderno*. Firenze: Per Vincenzo Batelli.
- Fickeler, P. (1947) Grundfragen der Religionsgeographie, *Erkunde*, vol. 1, pp. 121–144.
- Fickeler, P. (1962) Fundamental Questions in the Geography of Religions, in: Wagner, P. L., and Mikesell, M. W. (eds.) *Readings in Cultural Geography*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 94–117.
- Garadzha, V. I. (2005) *Sotsiologiya religii. 3-e izd. [Sociology of Religion. 3rd ed.]*. Moskva: INFRA-M.
- Gebel, W. (1922) Der Islam — die Religion der Wüste, in: *Beihefte zu den Jahresberichte der Schlesischen Gesellschaft für vaterländische Kultur*. Breslau: G. P. Aderholz' Buchhandlung, pp. 104–133.

¹¹² Levine, G. J. On the Geography of Religion // Transactions of the Institute of British Geographers. New Series. 1986. Vol. 11. No. 4. P. 428–440.

- Gerasimenko, T. I., Sviatokha, N. Iu., and Filimonova, I. Iu. (2015) *Etnogeograficheskii atlas Orenburgskoi oblasti [The Ethnogeographic Atlas of the Orenburg Oblast]*. Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi universitet.
- Glacken, C. J. (1959) Changing Ideas of the Habitable World, in: Thomas, W. L., Jr. (ed.) *Man's Role in Changing the Face of the Earth*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 70–92.
- Gökarksel, B. (2009) Beyond the Officially Sacred: Religion, Secularism, and the Body in the Production of Subjectivity, *Social and Cultural Geography*, vol. 10, no. 6, pp. 657–674.
- Gorokhov, S. A. (2012) Religioznaia identichnost' kak faktor formirovaniia konfessional'nykh regionov sovremennogo mira [Religious Identity as a Factor in Confessional Regions Formation in the Present-Day World], *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriia 5: Geografiia*, no. 5, pp. 49–55.
- Gorokhov, S. A. (2012) Transformatsiia tsivilizatsionnogo i konfessional'nogo prostranstva mira v XX – nachale XXI v. [Transformation of the World's Civilizational and Confessional Space in the 20th and Early 21st Century], *Izvestiia RAN, seriia geograficheskaiia*, no. 6, pp. 107–116.
- Gorokhov, S. A. (2014) Konfessional'noe geoprostranstvo kak ob"ekt izucheniia geografii religii [Confessional Geospace as a Study Object for the Geography of Religions], *Izvestiia RAN, seriia geograficheskaiia*, no. 2, pp. 21–30.
- Gorokhov, S. A. (2014) Religioznaia mozaichnost' kak faktor ekonomicheskogo razvitiia regionov sovremennogo mira [Religious Fractionalization as a Factor in Regional Economic Development in the Modern World], *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriia 5: Geografiia*, no. 4, pp. 56–61.
- Gorokhov, S. A. (2016) Khristianstvo v epokhu globalizatsii: osnovnye tendentsii prostranstvennogo razvitiia [Christianity in the Globalization Era: Main Trends in Spatial Development], *Izvestiia RAN, seriia geograficheskaiia*, no. 6, pp. 26–34.
- Gorokhov, S. A. (2017) *Dinamika konfessional'nogo geoprostranstva mira pod vliianiem religioznoi konkurentsii: dis. ... d-ra geogr. nauk [The Dynamics of the World's Confessional Geospace Affected by Religious Competition. Thesis for the Doctor of Geographical Sciences Degree]*. Moskva.
- Gorokhov, S. A., and Dmitriev, R. V. (2016) Experience of Geographical Typology of Secularization Processes in the Modern World, *Geography and Natural Resources*, vol. 37, no. 2, pp. 93–99.
- Gorokhov, S. A., and Khristov, T. T. (2016) *Religii narodov mira. 3-e izd. [Religions of the Peoples of the World. 3rd ed.]*. Moskva: KNORUS.
- Gorokhov, S. A., Dmitriev, R. V., and Zakharov, I. A. (2018) Territorial Development of Christianity in Africa in the 20th – Early 21st Centuries, *Geography and Natural Resources*, vol. 39, no. 1, pp. 88–94.
- Graunt, J. (1939) *Natural and Political Observations Mentioned in a Following Index, and Made upon the Bills of Mortality*. Baltimore: The Johns Hopkins press.
- Heatwole, C. A. (1986) A Geography of the African Methodist Episcopal Zion Church, *Southeastern Geographer*, vol. 26, no. 1, pp. 1–11.
- Hultkrantz, Ä. (1966) An Ecological Approach to Religion, *Ethnos*, vol. 31, no. 1–4, pp. 131–150.
- Huntington, E. (1945) *Mainsprings of Civilization*. New York: John Wiley and Sons.
- Isaac, E. (1959–1960) Religion, Landscape and Space, *Landscape*, vol. 9, no. 2, pp. 14–18.
- Isaac, E. (1961–1962) The Act and the Covenant: the Impact of Religion on the Landscape, *Landscape*, vol. 11, no. 2, pp. 12–17.
- Isaac, E. (1963) Myths, Cults and Livestock, *Diogenes*, vol. 11, no. 41, pp. 70–93.
- Isaac, E. (1965) Religious Geography and the Geography of Religion, *Man and the Earth (University of Colorado Studies, Series in Earth Sciences)*, no. 3, pp. 1–14.
- Johnson, T. M., and Ross, K. R. (eds.) (2009) *Atlas of Global Christianity. 1910–2010*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

- Kargina, I. G. (2013) Kartografiia sovremennogo religioznogo raznoobraziia [Mapping Global Religious Diversity], *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 11, no. 34, pp. 34–44.
- Kasche, H. (1795) *Ideen über religiöse Geographie*. Lübeck.
- Keckermann, B. (1611) *Systema geographicum*. Hanoviae: Antonius.
- Kil'deev, M. (2014) Uroven' musul'manskoi religioznosti naseleniia v Srednem Povolzh'e i Priural'e po dannym sovetskikh sotsiologicheskikh issledovanii (1966–1991) [The Level of Islamic Religiosity in the Middle Volga and Trans Urals as per Soviet Sociological Surveys (1966–1991)], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 1, pp. 131–150.
- Kisliuk, K. V., and Kucher, O. N. (2004) *Religiovedenie. 3-e izd. [Religion Studies. 3rd ed.]*. Rostov-na-Donu: Feniks.
- Knippenberg, H. (2006) The Political Geography of Religion: Historical State-Church Relations in Europe and Recent Challenges, *GeoJournal*, vol. 67, no. 4, pp. 253–265.
- Kong, L. (1990) Geography and Religion: Trends and Prospects, *Progress in Human Geography*, vol. 14, no. 3, pp. 355–371.
- Kong, L. (2010) Global Shifts, Theoretical Shifts: Changing Geographies of Religion, *Progress in Human Geography*, vol. 34, no. 6, pp. 755–776.
- Krasnovskaia, N. A. (1995) K istorii etnograficheskoi nauki v Italii [Towards the History of Ethnography in Italy], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 133–149.
- Krindach, A. D. (1992) Geografiia religii kak nauchnoe napravlenie [Geography of Religion as a Scientific Discipline], *Izvestiia Akademii nauk, seriia geograficheskaiia*, no. 3, pp. 63–69.
- Laatsch, W. G., and Calkins, C. F. (1986) The Belgian Roadside Chapels of Wisconsin's Door Peninsula, *Journal of Cultural Geography*, vol. 7, no. 1, pp. 117–128.
- Levine, G. J. (1986) On the Geography of Religion, *Transactions of the Institute of British Geographers. New Series*, vol. 11, no. 4, pp. 428–440.
- Lobzhanidze, A. A., Gorokhov, S. A., and Zaiats, D. V. (2005) *Etnogeografiia i geografiia religii [Ethnogeography and Geography of Religion]*. Moskva: Academia.
- Lopatkin, R. A. (2001) Sotsiologiia religii v Rossii: opyt proshlogo i sovremennye problemy [Sociology of Religion in Russia: Past Experience and Current Problems], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 4, pp. 266–272.
- MacDonald, F. (2002) Towards a Spatial Theory of Worship: Some Observations from Presbyterian Scotland, *Social and Cultural Geography*, vol. 3, no. 1, pp. 61–80.
- Matlovič, R., and Žigrai, F. (2002) Vybrané metavedné problémy geografie religii, *Geografické Informácie 7. Slovensko a Integrujúca sa Európa*, pp. 153–166.
- Münster, S. (1544) *Cosmographia*. Basel: Henrichum Petri.
- Nabieva, U. N. (2002) *Kul'turnaia geografiia Dagestana [Cultural Geography of Dagestan]*. Moskva: Institut nasledia.
- Nagar, R. (1997) The Making of Hindu Communal Organizations, Places, and Identities in Postcolonial Dar es Salaam, *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 15, no. 6, pp. 707–730.
- Naylor, S., and Ryan, J. R. (2002) The Mosque in the Suburbs: Negotiating Religion and Ethnicity in South London, *Social and Cultural Geography*, vol. 3, no. 1, pp. 39–59.
- Neander, M. (1583) *Orbis terrae partium succincta explicatio*. Eisleben: Sumtibus Iacobi Apeli.
- Opyt konkretno-sotsiologicheskogo izucheniia sostoianiia religioznogo naseleniia g. Kazani [An Attempt at a Concrete Sociological Study of Religiosity of the City of Kazan's Population] (1968), *Informatsionnyi biulleten' INA AON pri TsK KPSS*, no. 1.
- Ozem, G. Z., Sidorenko, V. P., and Shavel', A. N. K voprosu opredeleniia ob'ekta issledovaniia geografii religii [Identifying a Study Object in the Geography of Religion], in: *Geografiia v XXI veke: problemy i perspektivy razvitiia. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 17–18 aprelia 2008 goda, Brestskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushkina [Geography in the 21st Century: Problems and Future Prospects. Materials of the International Science-to-Practice Conference, April 17–18, 2008, A. S. Pushkin Brest State University, www.bsu.by/Cache/pdf/172683.pdf]*.

- Pacione, M. (2009) The Geography of Religious Affiliation in Glasgow, *Journal of Cultural Geography*, vol. 26, no. 3, pp. 369–391.
- Park, C. (1994) *Sacred Worlds*. London: Routledge.
- Peach, C. (2002) Social Geography: New Religions and Ethnoburbs – Contrasts with Cultural Geography, *Progress in Human Geography*, vol. 26, no. 2, pp. 252–260.
- Peschel, O. (1874) *Völkerkunde*. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Peucer, C. (1556) *De dimensione terrae*. Wittebergae: Ex typographia Simonis Gronenbergii.
- Pokrovskii, I. M. (1897) *Russkie eparkhii v XVI–XIX vv. Ikh otkrytie, sostav i predely. Opyt tserkovno-istoricheskogo, statisticheskogo i geograficheskogo issledovaniia* [Russian Dioceses in the 16th to 19th Century. Their Discovery, Composition, and Borders: An Attempt at a Historico-Religious, Geographical and Statistical Study]. Kazan': Tipolitografiia Imperatorskogo universiteta.
- Puchkov, P. I. (1975) *Sovremennaiia geografiia religii* [Contemporary Geography of Religion]. Moskva: Nauka.
- Raivo, P. J. (2002) The Peculiar Touch of the East: Reading the Post-War Landscapes of the Finnish Orthodox Church, *Social and Cultural Geography*, vol. 3, no. 1, pp. 12–24.
- Ray, J. (1735) *The Wisdom of God Manifested in the Works of the Creation*. London: William Innys and Richard Manby.
- Rovenchak, I. (2003) Ukraïns'ka geografiia religii: istoriia formuvannia ta predmet doslidzhennia [Ukrainian Geography of Religion: The History of Formation and the Object of Study], *Istoriia ukrains'koi geografii*, no. 2 (8) (<http://ukr-tur.narod.ru/istoukrgeo/allpubl/antropos/ukrgeorelig.htm>).
- Safronov, S. G. (2001) *Russkaia pravoslavnaia tserkov' v kontse XX veka: territorial'nyi aspekt* [Russian Orthodox Church in the Late 20th Century: A Territorial Aspect]. Moskva: Moskovskii tsentr Karnegi.
- Savvaides, P. (ed.) (2009) *Mapping the Footsteps of the Apostle Paul*. Thessaloniki: National Center for Maps and Cartographic Heritage – National Map Library.
- Semple, E. Ch. (1911) *Influences of Geographic Environment: On the Basis of Ratzel's System of Anthro-Geography*. New York: Henry Holt and Company.
- Shablîi, O. I., and Vis'tak, A. I. (1993) Sakral'naia geografiia: stanovlenie i problemy razvitiia [Sacral Geography: Formation and Development Problems], in: *Problemy territorial'noi organizatsii obshchestva: tezisy dokladov* [Problems of Territorial Organization of Society: Abstracts]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta, pp. 27–28.
- Shelton, T., Zook, M., and Graham, M. (2012) The Technology of Religion: Mapping Religious Cyberscapes, *The Professional Geographer*, vol. 64, no. 4, pp. 602–617.
- Shevchuk, L. T. (2007) *Sotsial'na geografiia* [Social Geography]. Kyiv: Znannia.
- Shpazhnikov, G. A. (1976) *Religii stran Zapadnoi Azii. Spravochnik* [Religions of the Countries of Western Asia. A Reference Book]. Moskva: Nauka.
- Shpazhnikov, G. A. (1980) *Religii stran Iugo-Vostochnoi Azii. Spravochnik* [Religions of the Countries of Southeast Asia. A Reference Book]. Moskva: Nauka.
- Shpazhnikov, G. A. (1981) *Religii stran Afriki. Spravochnik* [Religions of the African Countries. A Reference Book]. Moskva: Nauka.
- Shukanov, P. V. (2012) Metodologicheskie osnovy proiskhozhdeniia i razvitiia sakral'noi geografii [Methodological Framework for the Origins and Development of Sacral Geography], *Visnik Kharkivs'koho natsional'noho universitetu imeni V. N. Karazina, Seriia: Geologiiia – Geografiia – Ekologiiia*, vol. 37, no. 1033, pp. 228–232.
- Sopher, D. (1967) *Geography of Religions*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Sopher, D. (1981) Geography and Religions, *Progress in Human Geography*, vol. 5, no. 4, pp. 510–524.
- Stoddard, R. H., and Prorok, C. V. (2003) Geography of Religion and Belief Systems, in: Willmott, C. J., and Gaile, G. (eds.) *Geography in America at the Dawn of the 21st Century*. New York: Oxford University Press, pp. 759–767.
- Streletskii, V. N. (2012) Kul'turnyi regionalizm: sushchnost' poniatiia, problemy izucheniia i sistema indikatorov [Cultural Regionalism: the Concept, Research Issues, and the System of Indicators], *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 14, pp. 9–21.

- Streletskii, V. N. (2016) Kul'turnaia geografiia [Cultural Geography], in: Baklanov, P. Ia., and Shuvalov, V. E. (eds.) *Sotsial'no-ekonomicheskaiia geografiia v Rossii [Socioeconomic Geography in Russia]*. Vladivostok: Dal'nauka, pp. 76–87.
- Stump, R. (1986) The Geography of Religion – Introduction, *Journal of Cultural Geography*, vol. 7, no. 1, pp. 1–4.
- Stump, R. (2008) *The Geography of Religion: Faith, Place, and Space*. Lanham: Rowman and Littlefield.
- Tanaka, H. (1984) Landscape Expression of the Evolution of Buddhism in Japan, *The Canadian Geographer*, vol. 28, no. 3, pp. 240–257.
- Tuan, Y. F. (1968) Discrepancies between Environmental Attitudes and Behavior: Examples from Europe and China, *The Canadian Geographer*, vol. 12, no. 3, pp. 176–191.
- Tuan, Y. F. (1976) Humanistic Geography, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 66, no. 2, pp. 266–276.
- Varenus, B. (1649) *Descriptio Regni Iaponiae*. Amsterdam: Ludovicus Elzevirus.
- Veber, M. (2015) *Protestantskaia etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]*. Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Vincent, P., and Warf, B. (2002) Evurim: Talmudic Places in a Postmodern World, *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 27, no. 1, pp. 30–51.
- Warf, B., and Winsberg, M. (2010) Geographies of Megachurches in the United States, *Journal of Cultural Geography*, vol. 27, no. 1, pp. 33–51.
- White, L. (1967) The Historical Roots of Our Ecologic Crisis, *Science*, vol. 155, no. 3767, pp. 1203–1207.
- Wilford, J. (2010) Sacred Archipelagos: Geographies of Secularization, *Progress in Human Geography*, vol. 34, no. 3, pp. 328–348.
- Zelinsky, W. (1973) *The Cultural Geography of the United States*. New York: Prentice Hall.

Received: July 28, 2018.